

Теодора Янници,

кандидат исторических наук, директор Греческого Культурного Центра – ГКЦ в Москве
(www.hecucenter.ru)

НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНАЯ БОРЬБА ГРЕЧЕСКОГО НАРОДА ГЛАЗАМИ РУССКИХ ПУТЕШЕСТВЕННИКОВ И В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ ПОЭЗИИ. ДО, ВО ВРЕМЯ И ПОСЛЕ 1821 ГОДА.

Потомки мудрой и дружно относящейся к человеку нации греков, современники просвещенных и законопослушных народов Европы и зрители того благополучия, которым они пользуются, мы больше не в состоянии терпеть то столь болезненное и жесткое иго Османского государства, которое на протяжении четырех столетий подавляет наши головы и вместо разума в качестве закона подавляло и подавляет все своим тоталитаризмом и произволом.

После долголетнего рабства мы были вынуждены взять оружие и отвоевать у них как самих себя, так и нашу родину и освободиться от столь ужасной и несправедливой тирании, с которой не сравниться ни одному другому тоталитарному режиму.

Наша война с Турками далека от того, чтобы строиться на принципах демагогии, бунта и отстаивания корыстных интересов греческой нации в мире. Это война национальная, священная, война, единственной целью которой является законное обретение нашей национальной независимости, собственности и чести – прав, которыми по закону пользуются соседние народы Европы и которые силой пыталась отнять и подавить в нашей душе беспримерная по своей жестокости Османская тирания.

Из Декларации Национального Собрании греческого народа в Эпидавре, 22 января 1822 г.

В конце 1821 г. вблизи развалин древнего Эпидавра открылось Национальное собрание, которое приняло первую в новой истории Греции конституцию. В Греции была провозглашена республика, основанная на таких демократических принципах, как разделение властей, проведение свободных выборов, свобода вероисповедания, гарантии собственности и безопасности граждан.

Уже самые ранние описания путешествий в Грецию достаточно четко определяли то общее начало - православную веру, - которая неизбежно обуславливала изначально благожелательное общее отношение русских и греков по отношению друг к другу. Эти черты греческого народа достаточно характерно отмечает в своих описаниях киевский монах Василий Барский, который в 1723-1747 гг. предпринимает путешествие по святым

местам, в число которых, естественно, попадают и греческие христианские церкви и монастыри. Барского поражает тот чрезвычайно теплый прием, который русским путешественникам оказывает греческое население практически везде, видя в них прежде всего своих единоверцев. Так, когда он со своими попутчиками оказался на острове Корфу практически без средств к существованию, местные церковные деятели помогли оформить разрешение, чтобы «эти странные путники из стран Российских» собирали на острове милостыню и даже дали им в сопровождение греческого иеромонаха Афанасия. Когда же русские странники «собрали немалую милостыню», весть об их прибытии уже разнеслась по всему городу и греки даже соперничали, кто из них первый пригласит русских странников к себе домой.¹ Барский, однако, отмечает, что подобное отношение распространялось далеко не на всех, а лишь на представителей православной веры. Характерным примером может служить описанная им больница на острове Хиос, где бесплатно принимали, лечили и кормили людей, но исключительно православной веры.² Характерно, что именно в церквях и монастырях, которые посещали русские паломники, и происходило их знакомство с греческим населением.

Воспоминания путешественников изобилуют свидетельствами того, что греки именно в русских зачастую видели возможность избавления от религиозных притеснений со стороны турок. Капитан российского флота Степан Хметевский, принимавший участие в боевых действиях в Эгейском море в 1770-1774 гг., описывает, как группа представителей высшего духовенства ряда греческих островов Эгейского моря направила в феврале 1771 года послание на имя императрицы Екатерины II и графа Алексея Григорьевича Орлова, командовавшего русской эскадрой, с просьбой взять под опеку и покровительство «всех греческого исповедания благочестивых христиан».³ Однако более важным представляется то, что сходные настроения были распространены не только среди высшего духовенства, которое, несомненно, было более искушенным в делах политических, но и среди простых верующих. Морской офицер Владимир Броневский, участник Средиземноморской экспедиции русского флота 1805-1807 гг. под командованием вице-адмирала Дмитрия Николаевича Сенявина, описывает несколько случаев, когда простые греки при встрече с русскими просили помочь избавиться от

¹ Путешествие Василия Григоровича Барского к святым местам в Европе, Азии, Африке. Ч. 1. Спб., 1778. С. 118-119.

² Там же. С. 131.

³ Журнал Степана Хметевского о военных действиях русского флота в Архипелаге и у берегов Малой Азии. Современник. Т. 49. № 1. Спб., 1855. С. 63-64.

религиозного притеснения турок. Приведем лишь одно характерное описание из его воспоминаний о посещении российскими кораблями острова Имврос:

Каждый турок-начальник селения требует подарок. За свободу богослужения начальник острова иногда требует произвольную подать. Если тотчас не внесут ее, приказывает сломать церковь. Это несчастье случилось и с здешними жителями. Не знаю, почему думал священник, будто бы я имею право позволить жителям восстановить церковь. Он в длинной речи изъясил свое прошение. ...Я удивился, но имея в мысли внушения начальства - «сколько можно снисходительно обходиться с греками» - и при том полагая, что отказ мой не будет им понятен (ибо не только офицера, но и простого солдата почитают они существом гораздо их превосходнейшим), я дал мое согласие и вынужден был идти с народом туда, куда меня повели.⁴

Практически в каждом воспоминании русских путешественников, участвовавших в военных действиях против турок, содержится немало примеров, когда греки помогали в борьбе с турками. Приведем лишь одно из таких описаний о событиях русско-турецкой войны 1768-1774 гг., принадлежащее офицеру российского флота Матвею Коковцеву и достаточно характерно отражающее мнение российских путешественников о греках:

Во время пребывания российского флота в архипелаге, ободряемые российским оружием, явили они знаки отличной храбрости. Самые малые их суда при нападении турецких галер лучше жглись, нежели соглашались отдаться в плен неприятелю. Нерегулярные войска из них набранные ... при высаживании их на берег показывали всегда отличное мужество, их оживляющее. Ипсариоты, Миконцы и прочие островитяне вооружали небольшие суда ..., которые при помощи российского флота не только множество турецких купеческих кораблей пленили, но, выходя часто на берег, опустошали селенья.⁵

Однако даже если греки не могли непосредственно помочь русским и принять участие в боевых действиях, они нередко радовались успехам русских войск и поражениям турок.

⁴ Броневский В.Б. Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Д.Н.Сенявина с 1805 по 1810 год. Ч. 3. СПб, 1819. С. 36. Также см.: С.48.

⁵ Там же. С. 71-72.

Лейтенант русского флота Сергей Плещеев описывает, как во время его поездки на Ближний Восток в 1772 году было получено известие о начале новых боевых действий российского флота против турок. По его словам, это известие вызвало взрыв восторга у греческого населения: «Народ весьма радовался, ибо они все считают себя счастливыми, что помогают россиянам против турок».⁶

Плещеев пишет, как был немало удивлен, когда во время его пребывания на Ближнем Востоке, «одетая по-турецки» представительница богатой семьи, общаясь с ним, вдруг выразила восторг по поводу успехов российского флота в Средиземном море. Однако, на его удивление, девушка, несмотря на свою внешность и свободное владение турецким языком, оказалась гречанкой, ненавидевшей турок. «Дай бог им (русскому флоту - Т.Я.) столь благополучно продолжить удачные доселе свои завоевания, освободить из жестокого плена единоверных, а паче наших сестер, хуже скотов гнусными турками содержимых», - так гречанка реагировала на известия о русских победах.⁷

В конце XVIII - начале XIX вв., во время русско-турецких войн и боевых действий русского флота в Эгейском и Ионическом морях, межличностные контакты русских военных и греческого населения укрепляются. Народная дипломатия российских военных, их контакты с греческим населением, находящимся под османским игом, приносят свои плоды, свои результаты. В результате греки стали во многом отождествлять себя с Россией, а свою борьбу за независимость тесно связывать с походом Сенявина и присутствием российской эскадры в Средиземноморье. Морской офицер Павел Свиньин, участник экспедиции, так описывает реакцию жителей Идра на прибытие российского флота: «Тотчас же присланы из города депутаты поздравить Адмирала с благополучным прибытием; между прочим они сказали: *«все греки, в коих еще тлеет искра чести – готовы умереть за свободу и любовь к России»*⁸. Немало сходных описаний можно найти и у Броневского: «В пылом усердии преданности своей к России, Греки снова и торжественно заклились, пролить за Русских последнюю каплю крови».⁹ Часть греков даже начинают воспринимать Россию как свою вторую родину. Так, по воспоминаниям Броневского, по завершении Афонского сражения во время переговоров о мире с турками и подготовки возвращения российской эскадры на Корфу, греческое население Тенедоса разъехалось по островам, где нет турок (поскольку после осады турки порубили

⁶ Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. СПб., 1773. С. 69.

⁷ Плещеев С.И. Дневные записки путешествия из архипелажского, России принадлежащего острова Пароса в Сирию и к достопамятным местам в пределах Иерусалима находящихся. СПб., 1773. С. 75.

⁸ Павел П. Свиньин: «Воспоминания на флоте». Ч. 2. СПб, 1819г., стр. 8.

⁹ Владимир Б. Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сенявина от 1805 по 1810 год», Ч. 3, СПб., 1819г., стр. 124

фруктовые деревья и истребили большую часть виноградников). Многие греки, при этом, «вступили в верноподданство и отправились в Корфу в ожидании удобного случая для переезда в Россию»¹⁰.

Однако наиболее ярким описанием итогов экспедиции в плане установления межличностных контактов между греческим и русским народами в ходе российской военной экспедиции Сенявина и роли самого адмирала в укреплении этих связей могут служить сцены прощания с русской эскадрой на острове Корфу. Вот как описывает происходившее офицер Павел Свинын:

Нельзя было без умиления взирать на трогательное зрелище, поразившее нас, когда Адмирал пошел поклониться в последний раз благодетельствовавшим нам мощам Св. Спиридона. Не только улицы, но все окна, крыши домов покрыты были народом, кланяющимся и всеми образами приветствующим Сенявина. Толпа шла по следам нашим и дожидалась во все время прощального обеда нашего... Она провожала нас до самой пристани, которую нашли мы также покрытою народом. Все хотели проститься с Сенявиным, обнять его. Добрые, признательные греки на сию минуту забыли горящую им опасность и в излиянии сердец своих показали, сколь они почитают обязанными Адмиралу за счастье и свободу, коими они наслаждались во все время его начальствования. Сенявин не мог быть равнодушен, слезы покрыли гордые ланиты его – я плакал как ребенок. В первый раз полюбил я всею душою Корфиотов; в первый раз почувствовал, что мне жаль расстаться с ними, как с близкими родственниками. С немалым также удовольствием видел я печаль жителей при расставании с солдатами нашими. Они прощались как друзья, плакали, уверяли друг друга в дружбе, в признательности и несмотря на то, что объяснялись на едва понятном диалекте, наши на худом итальянском и греческом, а корфиоты - на плохом русском, но разговоры их право были красноречивы. Не делает ли сие большой чести нашим воинам? Покорять сердца важнее и славнее, чем покорять государства.¹¹

Весьма сходное описание, полное самых теплых чувств и эмоций, мы находим и у Броневского:

Прощанье жителей с нашими солдатами, искреннее свидетельствовало народной к нам любви, ни какое перо описать не

¹⁰ Там же, стр. 168-169.

¹¹ Павел П. Свинын: «Воспоминания на флоте». Ч. 2. СПб, 1819г., стр. 233-235.

*может. Когда войска остановились у церкви Св. Спиридония для принятия благословения в путь, духовенство от всех церквей в черном облачении вышло с крестами и святою водою. Протопоп подав хлеб и соль Генералу Низтмову, начал речь, но зарыдал, залился слезами и не мог продолжать. Ударили в барабаны, войска тронулись и пошли к пристани. Не только улицы, площадь, но все окна, крышки домов покрыты были народом, который в излиянии признательности своей забыл на сию минуту, что он такою откровенностью раздражает новых своих властителей (т.е. французов). С балконов сыпались на солдат цветы, иногда печальное молчание прерывалось гласом признательности и благодарности. У пристани, когда солдаты садились на гребные суда, каждый прощался со своим знакомым, просили не забывать друг друга, обнимались и плакали. <...>Я в первый раз увидел и поверил, что Корфиоты имели причину любить Русских, они подлинно без нас остались сиротами. Можно сказать, что Корфиоты и Катарцы были любимыми чадами России, которых мы покоили, берегли и ласкали, ни требуя от них никакого пожертвования.*¹²

25 марта 1821 Условная дата начала греческой революции. Епископ Патр Герман привел к присяге восставших в монастыре **святой Лавры**. Начальной датой освободительного восстания на материке считается 17 марта в Ареополи, столице Мани, а спустя неделю, 23 марта, когда в городе Каламата, на южном побережье Пелопоннеса, борцы за освобождение помолились в крошечной живописной церквушке Святых Апостолов византийского периода (12 в. н.э.) и, взяв оружие в руки, пронеслись по всему Пелопоннесу. Пламя восстания вскоре захватило весь полуостров. 25 марта восставшие вошли в Патры и на площади Святого Георгия провозгласили начало революции.

Вскоре к ним присоединились греческие острова, Спецес, Идра и Псара, а также некоторые районы центральной Греции. На борьбу греков за свободу турецкие власти ответили насилием и репрессиями. 10 апреля был повешен Вселенский Патриарх Григорий V.

Когда в 1821 году в Греции началась революция, греки все в большей мере обращают взоры к России и видят в ее поддержке залог достижения успеха в борьбе с османским игом. Причем никогда до начала вооруженного восстания вопрос жизни и смерти не стоял так остро для греков. Оказавшийся почти в центре вооруженного противостояния русский паломник Кир Бронников, крепостной графов Шереметьевых, так описывает общественные настроения, царившие на острове Скопелос, находившемся недалеко от

¹² Владимир Броневский «Записки морского офицера в продолжении кампании на Средиземном море под начальством Вице-Адмирала Дмитрия Сеньявина», Спб, стр. 185-186.

Афонской горы: «Жители все в великой находились печали, а особенно женский пол. Встречаясь с нами на улицах и не разумея русского языка, со вздохом сквозь слезы они нам говорили, о чем узнали мы через переводчика: *если не поможет нам Россия, то мы греки все пропали*». Правда, при этом он добавляет, что оставалась часть жителей острова, которые не разделяли такой точки зрения: «А иные и при таких тесных обстоятельствах не покидали своей гордости».¹³

В течение последующих семи лет после начала освободительной борьбы греки с оружием в руках отстаивали эти принципы. Оправившись от первых поражений, турецкий султан собрал новые войска и одновременно начал наступление с севера и юга. Трагическими страницами греческой истории стали резня на острове Хиос (30 марта 1822г.) , убийство и увод в рабство 22 тысяч жителей острова Псара (июнь 1824г.) и варварская расправа над жителями города Миссолонги (10 апреля 1826г.), которая потрясла всю Европу и вызвала бурную волну филэллинизма в Европе.

Восторженные благородной борьбой Греческого Народа за свободу, целая плеяда русских поэтов-романтиков того времени не мог остаться равнодушным к общей филеллинско-либеральной тенденции, ко всей этой художественной волне, которая окружает Европу. Вдохновленные непреодолимой потребностью потомков *«Миноса, Ликурга, Солона, Мильтиада, Фемистокла, Аристиды»* в физической свободе, духовной самодостаточности, национальном суверенитете, они бросаются в творческую борьбу и своим пером, своей речью они увековечивают общее чувство того времени за свободу народов и создание национальных государств.

Можно многое говорить и целой плеяде русских поэтов того периода, вдохновленных борьбой греческого народа и запечатлевших ее в своих поэмах. Известные имена Александра Пушкина, Вильгельм Кюхельбекера, Василия Капниста, Федора Глинки, Василия Туманского, Дмитрия Веневитинова, Ореста Сомова, Василия Григорьева. В рамках данной публикации, приведем лишь несколько из этих произведений:

А.С. ПУШКИН

Гречанка верная! не плачь, - он пал героем!..

Свинец врага в его вонзился грудь.

Не плачь — не ты ль ему сама пред первым боем

Назначила кровавый Чести путь?

Тогда, тяжелую предчувствуя разлуку,

Супруг тебе простер торжественную руку,

Младенца своего в слезах благословил,

Но знамя черное Свободой восшумело.

Как Аристокитон, он миртом меч обвил,

Он в сечу ринулся — и падши совершил

Великое, святое дело.

¹³ Бронников К.И. Путешествие к святым местам, находящимся в Европе, Азии и Африке, совершенное в 1820 и 1821 годах. М., 1824. С. 239.

Эллеферия, пред тобой
 Затмились прелести другие,
 Горю тобой, я вечно твой.
 Я твой на век, Эллеферия!
 Тебя пугает света шум,
 Придворный блеск неприятен;
 Люблю твой пылкий, правый ум,
 И сердцу голос твой понятен.
 На юге, в мирной темноте
 Живи со мной, Эллеферия,
 Твоей красоте
 Вредна холодная Россия.

ГРЕЧАНКЕ

То рождена воспламенять
 Воображение поэтов,
 Его тревожить и пленять
 Любезной живостью приветов,
 Восточной странностью речей,
 Блистаньем зеркальных очей
 И этой ножкою нескромной...
 Ты рождена для неги томной,
 Для упоения страстей.
 Скажи — когда певец Леилы
 В мечтах небесных рисовал
 Свой неизменный идеал,
 Уж не тебя ль изображал
 Поэт мучительный и милый?
 Быть может, в дальней стороне,
 Под небом Греции священной,
 Тебя страдалец вдохновенный
 Узнал, иль видел, как во сне,
 И скрылся образ незабвенный
 В его сердечной глубине?
 Быть может, лирою счастливой
 Тебя волшебник искушал;
 Невольный трепет возникал
 В твоей груди самолюбивой,
 И ты, склонясь к его плечу...
 Нет, нет, мой друг, мечты ревнивой
 Питать я пламя не хочу;

Мне долго счастье чуждо было,
 Мне ново наслаждаться им,
 И, тайной грустию томим,
 Боюсь: неверно все, что мило

Восстань, о Греция

Восстань, о Греция, восстань.
 Недаром напрягала силы,
 Недаром потрясала брань
 Олимп и Пинд и Фермопилы.
 Под сенью ветхой их вершин
 Свобода юная возникла,
 На гробах... Перикла,
 На... мраморных Афин.
 Страна героев и богов
 Расторгла рабские вериги
 При пенье пламенных стихов
 Тиртея, Байрона и Риги.

Вильгельм К. Кюхельбекер

Греческая песнь

Века шагают к славной цели;
 Я вижу их: они идут!
 Уставы власти устарели;
 Проснулись, смотрят и встают
 Доселе спавшие народы.
 О радость! грянул час, веселый час Свободы!
 Друзья! нас ждут сыны Эллады!
 Кто даст нам крылья? полетим!
 Сокройтесь горы, реки, грады!
 Они нас ждут: скорее к ним!
 Судьба, услышь мои молитвы,
 Пошли, пошли и мне минуту первой битвы!
 И пусть я, первою стрелою
 Сражен, всю кровь свою пролью:
 Счастлив, кто с жизнью молодою
 Простился в пламенном бою,
 Кто убежал от уз и скуки
 И славу мог купить за миг короткий муки!
 Ничто, ничто не утопает
 В реке катящихся веков:
 Душа героев вылетает
 Из позабытых их гробов
 И наполняет бардов струны

И на тиранов шлет народные перуны!
Свернуть

Василий Капнист.

К ВОССТАВШЕМУ ГРЕЧЕСКОМУ НАРОДУ

Неведомо, куда идут
Полки, испытанны во брани,
Против кого огонь несут
И меч прияли в мощи длани.

Не снова ль пленник средь зыбей
Европе рабством угрожает,
Не снова ль луч свободных дней,
Блеснув спартамцам, угасает.

Коль так, благословляю вас!
Тень Леонида, Мильтиада!
Возрадуйтесь, ударит час
И в прах падёт деспот Царьграда.

Какой тиран возможен стать
Против стремления народа.
Так можно ль цепи налагать,
Где рабство – смерть, где жизнь – свобода.

Друзья, пускай наш острый меч
Тиранов кровью обAGRится.
Тому отрадно в землю лечь,

Кто за свободу ополчится.

Ф. Н. Глинка.

ВОЕННАЯ ПЕСНЬ ГРЕКОВ

Доколь нам, други, в тяжком рабстве
Стонать под игом агарян!
Тиранов милой нам Эллады
Настал желанный мести час!
Внемлите голосу отчизны,
Она, рыдая, кличет вас:
«Ко мне, сыны мои, о греки,
И за меня и стар и млад!»
Друзья! рука с рукой — и в сечу!
С кипящей радостью глася:
«Восстань гроза и честь народа,
Свобода Греции, свобода!»

Где наши памятники славы,
Ваяний, зодчества краса?
Где свет наук? Всего лишились
Под тяжким игом агарян!
Рабы в невежестве позорном,
Мы терпим лютой пытки срам
И поруганье пьем как воду!..
Всё нам: угрозы, бой и смерть,
И с милой родиной разлука,
И в родине — позор и стыд.
Чего ж еще? Но вы, о греки!
Взывайте, дружно отличась:
«Воскресни счастье народа,
Свобода Греции, свобода!»

Где вы, сыны Эллады пышной,
Где славный Греции народ?
О нем и юг, и запад дальний
Молвой гремели... А теперь
Его забыл и юг и север,

Нигде о нем не говорят,
 Нигде как будто и не знают,
 Что Греция на свете есть.
 Вот до чего доводит рабство
 И тяжкий у османов плен!
 Но други! Братья! Нам за муки
 Приспел желанный мести час.
 И греки в радости кипящей
 Гласят: «*Настал наш светлый день!*»
 Сбылось спасение народа:
 Свобода Греции, свобода!

Погибнут гордые тираны!
 Уже со всех, со всех сторон
 Друзья и братья к нашим грекам
 Бегут, — как будто все спешат
 На шумный торг, на пышный праздник,
 Как гости на венчальный пир!
 И кто отстанет от героев?
 И стар и млад бежит *к своим!*
 «Отстать позорно, дети, стыдно!» —
 Так говорят своим сынам
 Отцы и матери в Элладе,
 Благословляя их на бой.
 И всем твердят: «До смерти бейтесь,
 Кто раб — не приходи домой».
 Не надо рабства для народа,
 Свобода Греции, свобода!

Сошлись и с громкою молитвой —
 Сердца и длани к небесам:
 И меч об меч — *крестообразно*
 Острят. И от мечей кругом,
 Как дождь кипящий, брызжут искры,
 И пышет светлых молний блеск,
 А там приветствие брат брату,
 Булат сверкает по булату, —
 И клятву — не вложить мечей,
 Доколь враги свободы живы.
 За свой народ, за свой закон,
 Друзья, нет, предки, биться будем
 И славу древнюю добудем
 Бесстрашным сердцем и мечом.
 О бог! К тебе мольбы народа:
 Прочь рабство, будь у нас свобода!

Еще горит над Саламином
 Побед и славы светлый луч;
 Еще трофеев Марафона
 Не стерла времени рука,
 Еще нам памятно *былое!*
 И мы беседуем о нем
 В беседах тайных — и в восторге
 Мы предков видим, как себя!
 А наши предки были — Минос,
 Ликург спартанский и Солон;
 Мы помним твердость Леонида
 И честь и доблесть Аристида;
 Наш Мильтиад, наш Фемистокл;
 Он незабвен — наш беспримерный!
 И вот их глас из-за гробов:
 «Не нужно рабства для народа —
 Свобода Греции, свобода!»

Каких примеров не имеем?
 И нам ли не сломать оков?
 Мы кровь — до капли за свободу!
 И жизнь — отчизне на алтарь!
 Далекий путь, кипяща сеча,
 Тревоги жизни боевой —
 Для пылких греков всё услада;
 Труды и бой — им ничего;
 Лишь только б рабство уничтожить,
 Лишь только б славу возвратить,
 Сольем в одну все храбрых души,
 Составим тело все одно.
 Тогда кого мы убоимся?
 И кто отважится на нас,
 Когда мы все единым гласом
 Воскликнем с клятвой и мольбой:
 «Восстань краса и честь народа,
 Свобода Греции, свобода!»

Дмитрий Веневитинов

Песнь грека

Под небом Аттики богатой

Цвела счастливая семья.
 Как мой отец, простой оратай,
 За плугом пел свободу я.
 Но турков злые ополченья
 На наши хлынули владенья...
 Погибла мать, отец убит,
 Со мной спаслась сестра младая,
 Я с нею скрылся, повторяя:
 "За всё мой меч вам отомстит!"

Не лил я слез в жестоком горе,
 Но грудь стеснило и свело;
 Наш легкий челн помчал нас в море,
 Пылало бедное село,
 И дым столбом чернел над валом.
 Сестра рыдала - покрывалом
 Печальный взор полужакрыт;
 Но, слыша тихое моление,
 Я припевал ей в утешенье:
 "За всё мой меч им отомстит!"

Плывем - и при луне серебристой
 Мы видим крепость над скалой.
 Вверху, как тень, на башне мшистой
 Шагал турецкий часовой;
 Чалма склонилась к пищалям -
 Внезапно волны засверкали,
 И вот - в руках моих лежит
 Без жизни дева молодая.
 Я обнял тело, повторяя:
 "За всё мой меч вам отомстит!"

Восток румянился зарею,
 Пристала к берегу ладья,
 И над шумящею волною
 Сестре могилу вырыл я.
 Не мрамор с надписью унылой
 Скрывает тело девицы милой,-
 Нет, под скалою труп зарыт;
 Но на скале сей неизменной
 Я начертал обет священный:
 "За всё вам меч мой отомстит!"

С тех пор меня магометане
 Узнали в стычке боевой,

С тех пор, как часто в шуме браней
 Обет я повторяю свой!
 Отчизны гибель, смерть прекрасной,
 Всё, всё припомню в час ужасный;
 И всякий раз, как меч блеснит
 И падает глава с чалмою,
 Я говорю с улыбкой злою:
 "За всё мой меч вам отомстит!"

Василий Григорьев

ГРЕЧАНКА

Зачем в руке твоей кинжал,
 Дочь вдохновенного Востока?
 Младые перси панцирь сжал
 И кудри девы черноокой
 Шелом безжалостно измял?

Тебе ли свой воздушный стан
 Обременять таким нарядом?
 Тебе удел природой дан —
 Влечь юношей волшебным взглядом,
 Их жизни прояснять туман.

Скажи: не родственная ль месть
 Тебе кинжал вложила в длани?
 Или твоя страдает честь,
 Или ты мыслишь в бурях брани
 Любви измену перенести?

«Не изменяла мне любовь;
 Ах, тяжелы судьбы удары!
 Чем я жила — не придет вновь:
 Там, над обломками Ипсары,
 Дымится греческая кровь!..

Не спрашивай, где мой отец,
 Где в муках мать моя изныла,
 Где сердца верный первенец, —
 Там, там надежд моих могила,
 Ипсара — терновый венец!

Но среди бед не пал мой дух:
 Мне внятен стон моей отчизны.
 Он в полночь мой тревожит слух
 Сквозь краткий сон печальной жизни
 Как при последнем часе друг!

Хлад северный не леденит

Утес срывающие воды —
 Так цепи звук не заглушит
 Не спящий в сердце глас свободы:
 Мечь варварам — мой твердый щит!

Прости!» Зачем слеза в очах?
 Тяжка кровавая обида?
 Не унывай: на небесах
 Не гаснет солнце Леонида'
 И не остыл Эллады прах!

Пусть нежатся среди пиров
 Похвал изысканных кумиры!
 Лесть ляжет с ними в мрак гробов;
 Но ты... ты достоянье лиры,
 Живой посредницы веков!

•

8 октября 1827 года Россия, Франция и Великобритания участвуют в Наваринском морском сражении против объединенных турецко-египетских сил и одерживают блестящую победу. Спустя несколько месяцев вспыхивает новая русско-турецкая война 1828–1829 гг. Итогом этой войны стала победа России и подписание Адрианопольского мира, по условиям которого Османская империя обязалась предоставить Греции независимость. Теперь авторитет и влияние России на Балканах были непререкаемы, что заставило Англию и Францию попытаться перехватить инициативу. Согласно Лондонскому протоколу от 22 января 1830 года, на территории Греции создается независимое государство.

•

Постоянные контакты между двумя народами обусловили и определенное культурное влияние России на Грецию и после освобождения греков от османского ига и создания независимого греческого государства. Пребывание русского флота на Поросе, где в первые годы после освободительной революции находилась российская морская база и оказывала содействие в расправе с антиправительственными мятежами, в значительной мере трансформировало жизненный уклад острова. Описывая свои впечатления от посещения Пороса, российский дипломат с греческими корнями Базили отмечал:

... Можно считать Порос русским городком, а Морейский берег – цветущую деревню полуденной России. Жители почти все понимают наш язык, и много молодых пориотов свободно говорят по-русски. Их дружеские связи с нашими матросами начались с того дня, когда первые русские, прибывшие в Порос, вместо дальних предисловий и рассказов с пориотами, снимали фуражку, крестились приговаривая: «Грек – христианин, русский –

христианин» - и дружески обнимались, как дети одной церкви, и пенный кубок краси (вина – Т.Я.) запечатлевал братский союз.¹⁴

В данный период для греков чрезвычайно важно мнение россиян о происходящем в молодом греческом государстве. Константин Базили пишет, что, когда на Поросе произошел антиправительственный мятеж, присутствовавший на русском корабле греческий офицер, «объясняясь простым языком чувства, он заклинал адмирала не относить к бесчестию греческого народа безумной шалости толпы бунтовщиков. Притом, задумавшись, приговаривал: что скажут в России?»¹⁵

Территория Греции ограничивалась Афинами с прилегающими областями, Пелопоннесом и рядом островов Эгейского моря, где проживало менее трети греческого населения. Греции потребовалось более ста лет для того, чтобы в результате тяжелых войн и ценой многочисленных человеческих жертв объединить греческие земли в рамках единого государства (Ионические острова были присоединены к Греции в 1864 году, Фессалия в 1881, а Македония, Западная Фракия и Крит в 1912 году, Додеканезские острова лишь только в 1947 году).

Еще больше времени понадобилось, чтобы Греция, по праву считающаяся родиной демократии, стала подлинно демократическим государством. В 1831 г. в результате заговора был убит первый президент Греции, великий реформатор Иоаннис Каподистрия.

После этого великие державы навязали Греции монархию с иностранными королевскими династиями, которые правили страной вплоть до 1973 г. Но в то же время, Революция 1821 г. стала первым и главным шагом на пути к свободе и демократии, к независимости, к физической целостности и духовной самодостаточности греческого народа, величайшим событием в истории Греков, предопределившим дальнейшее развитие греческой нации.

Путешественники отмечают, что в первые годы после революции греки, в том числе и самые низы общества, проявляли огромный интерес к России, хотя зачастую у них были довольно-таки своеобразные представления об этой далекой стране.

Дипломат-путешественник Орлов-Давыдов вспоминает, как по его прибытии в Навплию в июне 1835 года, «печать с двуглавым орлом, приложенная к моему паспорту, доставила мне всевозможное уважение со стороны городского начальства, и оно откомандировало нарочного чиновника для нужных приготовлений к моему дальнейшему путешествию».¹⁶

¹⁴ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. Ч. 1. Спб., 1834. С. 79.

¹⁵ Базили К.М. Архипелаг и Греция в 1830–1831 годах. Ч. 2. Спб., 1834. С. 84.

¹⁶ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Часть 1. Спб., 1839. С. 58.

И он же продолжает, что во время его пребывания в небольшом городке Андрицена в Аркадии, на русского гостя пришли посмотреть толпы любопытных греков, «расспрашивавших меня о России, например, родятся ли в ней двуглавые орлы».¹⁷

Эллинизм и филэллизм в России исконно являлись огромным потенциалом, способствующим процветанию, сплочению греческой общины в России, с одной стороны, сохранению ее идентичности и самосознания, а также процветанию греческого государства и развитию двусторонних российско-греческих отношений, как на официальном, межгосударственном уровне, так и на уровне межличностных отношений, отношений простых людей. Эллинизм и филэллизм в России являются залогом преемственности в отношениях двух близких, единоверных, связанных историко-культурно-духовной, цивилизационной общностью, ментальностью народов.

В этом контексте кажется уместным привлечь небольшой отрывок из воспоминаний российского путешественника Александра Милюкова, посетившего Афины в 1857 году, который, на мой взгляд, очень удачно отражает отношение греков к России и к россиянам. При этом следует отметить, что 1857 год – это время после окончания Крымской войны, когда греческая политическая элита все сильнее ориентируется на запад, а влияние России на Балканах ослабло.

Милюков описывает, как, прогуливаясь недалеко от Акрополя и разговаривая со своим греческим собеседником по-французски, ему довелось встретить старого пастуха. Старик сначала подумал, что путешественник был из Германии, однако после того как пастух узнал, что Милюков приехал из России, «*нахмуренное лицо старика прояснилось*». Далее автор пишет: «*Россос!- проговорил старик, прикладывая руку к сердцу, - садись, садись! Русские - наши гости! Русские - наши братья!*»¹⁸ Аналогичную сцену своей встречи с греческими крестьянами описывает и русский путешественник Л.А.Бенике, посетивший Грецию более чем полвека спустя: «*Узнав, что я русский, они обрадовались и заявили, что они русских считают братьями*».¹⁹

Эти слова греческого пастуха 1857 года характеризуют отношения двух наших народов, в первую очередь на межличностном уровне, на уровне простых людей, вне зависимости от политической конъюнктуры и целесообразности.

¹⁷ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Ч. 1. СПб., 1839. С. 58.

¹⁸ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. СПб., 1859. С. 53.

¹⁹ Милюков А.П. Афины и Константинополь. Путевые записки А. Милюкова 1857 года. Ч. 1. СПб., 1859. С. 53.

Подытоживая, хотелось подчеркнуть степень филэллинских настроений, пронизывающих российское общество, привлекая, при этом, отрывок из «Путевых записок» русского писателя, мецената, любителя античности, тайного советника, почетного члена Академии Наук Владимира Петровича Орлова-Давыдова, предпринявшего, организовавшего и финансировавшего в 1835 году научно-познавательную экспедицию на Ионические острова, а Грецию, Малую Азию и Турцию, итоги которой стали его путевые заметки, выпущенные в 1839 году в СПб, тип. Эдуарда Праца. Кстати, принять участие в экспедиции Владимир Петрович Орлов-Давыдов пригласил русского художника Карла Павловича Брюллова, архитектора академика Ефимова и археолога, доктора Крамера. Кстати, Карл Брюллов во время экспедиции создал прекрасно отражающие непревзойдённую природную красоту Греции картины. Итогом экспедиции стали «Путевые записки, веденные во время пребывания на Ионических островах, в Греции, Малой Азии и Турции» которые завершаются следующими словами: *«Как ни глубока будущность Севера, не менее глубоко прошедшее Греции, и когда паровая сила сблизит на всем земном шаре расстояния и заменит труды тысячей народа, и тогда ум человеческий не создаст ничего совершеннее Илиады и Парфенона»*²⁰.

Искренне убеждена, что приводимый материал еще раз доказывает прочные узы историко-духовно-цивилизационной общности между нашими народами.

²⁰ Орлов-Давыдов В. Путевые записки. Часть 2. СПб., 1839. С. 333.